

Философия диалога Розеншток-Хюсси

Шаповалова О.В.

Как самое горячее словесное общение еще не составляет разговора, так для разговора не нужен звук, не нужен даже жест. Язык может быть лишен всех чувственных знаков и оставаться языком...

Ибо там, где между людьми установилась открытость, пусть даже не в словах, прозвучало священное слово диалога.

М. Бубер

Что такое слово? «Индоевропейский корень -kleu- представлен во всех индоевропейских языках: в рус. также «слава», др.-инд. *svavañ* «слава», авест. *svavo* «слово», греч. «слава», лат. (архаич.) *clueo* «слышать, слушать», класс. «слыть, считаться», литов. *klausa* «слух» и т.д. [Цит. по: Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001, С. 355]. Уже из краткого перечня видно, что в значении этого корня объединяются действия говорения и слушания. Само по себе это обстоятельство заставляет предположить, что он обозначал не то, что понимается под «словом» в современной европейской культуре, а нечто иное – некую цельную ситуацию, в которой «говорение» предполагает «слушание» и наоборот, «круговорот речи» или даже более общее понятие – «круговорот общения». Слово же – «некоторая самостоятельная независимая от говорящего и слушающего, как бы «плотная» сущность, которая может быть предметом передачи от одного человека к другому, предметом обмена в «круговороте общения»... Вообще, как показывают этимологии весьма разнообразных слов и.-е. языков, выражающих понятия «слово» и «говорить, сказать», эти слова и понятия группируются в три концептуальных поля или области:

- а) «голос» – чисто речевая деятельность, говорение;
- б) «весть, знание» – результат сказывания, сообщение информации;
- в) «порядок, упорядочение» – прежде всего «элементарная ячейка упорядочения» общения двух человек посредством речи.

Таким образом, слово – это в первую очередь действие, говорение же (человеческое говорение, осмысленное, а не простой набор звуков) предполагает утверждение личности в ситуации общения, основанное на мнении, а мнение всегда есть нечто оформленное, упорядоченное, выделенное (выдвинутое) из хаоса сознания и внутренней речи. Слово, связывая людей, является основой социума, более того, «говорение – это один из фактов мироздания». По мнению философа О. Розеншток-Хюсси, существует четыре речевых ориентации действительности (по отношению к будущему и к прошлому во времени и по отношению к внутреннему и внешнему миру в пространстве), которые в совокупности составляют «Крест реальности»:

«1. Когда мы говорим, мы сквозь тысячелетия вступаем в контакт с зарей человечества, ибо пытаемся употребить подлинные слова.

2. Мы стремимся как бы завершить их эволюцию; ибо создаем из наследия веков ответственные – и, следовательно, новые – комбинации.

3. Мы выражаем внутренние интенции и эмоции, тем самым завершая их, так сказать, освобождаясь от них.

4. Мы регистрируем внешние процессы, которые затрагивают наши органы чувств, и не успокаиваемся до тех пор, пока наши ощущения не прояснятся с помощью научного языка.

...Всякий раз, когда мы говорим, мы утверждаем себя в качестве живых тем, что занимаем центр, из которого глаз смотрит назад, вперед, внутрь и наружу. Говорить – значит находиться в центре креста реальности:

внутри

назад

вперед

вовне

Четыре стрелки указывают четыре направления, от которых не уйти никакому живому существу. Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. «Здесь» он говорит в направлении из внутреннего пространства во внешний мир и в направлении из мира, что находится снаружи, в свое собственное сознание. А «теперь» он говорит в промежутке между началом времен и их концом...

Время и пространство живого организма значительно отличаются от времени или пространства, которыми пользуется механика применительно к неживой материи. Как говорил Лаплас, «настоящее вызвано прошлым, а будущее есть итог прошлого и настоящего». Так вот, что касается наших жизней, то это – нонсенс. Нет в природе никакого настоящего. Прошлое отрезано от будущего человека: всякое настоящее создается под давлением будущего и прошлого. Мы с вами подвешены между прошлым и будущим; и мы знаем это и должны сделать отсюда все выводы, какие только возможно. То, что мы говорим, мы говорим под давлением обоих времен... Неверен и ракурс, в котором механика рассматривает пространство. Механика рисует нас погруженными в гигантское пространство трех измерений. Жизнь, однако, обнаруживает себя только там, где просматривается грань между внутренней системой и внешней средой. Разграничение внутреннего и внешнего пространства представляет собой *sine qua non* жизни, обмена, роста, индивидуализации. Реальное биологическое пространство имеет две стороны; и когда мы говорим, мы сознаем его двойственность... Сейчас и здесь мы живем в двойственном времени и двойственном пространстве. И мы говорим, чтобы не растерять себя в напряжениях этого четырехугольника... Для всего живого (не только для человека, но и для растений и животных) пространство – это конфликт внутренних и внешних процессов, время – это конфликт между ответственностью перед прошлым и будущим. Но посредством говорения (и вот это уже к растениям и животным не относится) человек может в каждый

данный момент раздвигать границы внутреннего пространства, делая его все более и более емким.

Изучая грамматику, человек начинает сознавать свое место в истории (назад), мире (наружу), обществе (внутри) и призвании (вперед)» [*Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994, С. 55–58*].

Говорить – это значит быть. Для Розеншток-Хюсси слово и действие («речь и действительность») неотделимы друг от друга и предполагают конкретные человеческие отношения. Традиционная же («Александрийская») грамматика не учитывает этих отношений, «грамматика низшей ступени низвела речь до простого средства человеческого сознания, до какого-то материального орудия, с которым можно делать что угодно. Высшая грамматика установит обратное соотношение. Речь предстанет как поле энергий, в котором человек получает или теряет свое сознание, изменяет или раскрывает его». Традиционная грамматика приучает каждого человека думать о себе просто как об «объективном факте», как о «третьем лице», «это создает ошибочное – объективное – основание для устанавливаемых человеческих отношений, которые тем самым обесцениваются... Человеческие отношения оживают там, где мы свободно открываемся друг другу в общении и способны слушать других людей, и умирают, когда наши высказывания не несут в себе ничего, кроме фактов» [Там же. С. 105]. Высшая грамматика, поднятая Розеншток-Хюсси до уровня общественной науки, предполагает, что «в различных ситуациях мы по-разному интонируем нашу речь, так как различна бывает атмосфера, в которой мы говорим», иными словами, мы используем в разной степени выраженную эмфазу. «Эмфаза – это сила тона. А сила тона отражает степень нашей причастности тому, о чем говорится» [Там же. С. 118]. Например, слова *amo* (я люблю), *amas* (ты любишь) и *amat* (он любит), относимые все будто бы к *indikativ*'у суть разные слова, «отделенные одно от другого социальной эмфазой... *Amat* произносится без всякого интонационно-выразительного акцента, просто констатируется как факт. *Amo* и *amas* нельзя произнести без серьезных социальных последствий... Любовь, если мы говорим в первом или во втором лице, заставляет нас дрожать и трепетать. Третье лицо нейтрализует силу любви... Когда о ком-то третьем сказано, что он любит, это предложение оказывается в одном ряду с «идет дождь» и «светит солнце» («*it is rains*», «*it is shines*»). Такое утверждение называют обычно объективным. Объективное абстрагируется не только от говорящего, но точно так же и от слушающего! «Объективное» – это, таким образом, двойное отрицание отношений (*a two-fold of relationship*). «Он любит» — только отчужденная констатация факта. Совсем другое дело, если мы произносим *amo* или *amas*. По сравнению с *amat*, *amo* несет на себе двойную эмфазу. Человек, который говорит *a*, делает сразу две вещи: он участвует в событии, поступает – и одновременно признается в этом», причем, «тот, кто говорит о себе в первом лице, подвергается риску, которого он избегает, когда говорит о ком-нибудь другом! Он рискует расстроить действие, о котором свидетельствует произносимое им предложение... Всякое действие, рассекреченное до своего

завершения, может встретить помеху. Первое лицо (я), которое говорит кому-то другому, что «я» делаю то-то и то-то, подвергает свое действие опасности вмешательства со стороны. Всякое действие можно остановить. И человек, который говорит, что он делает или собирается делать, навлекает на себя несчастье, или же, если он говорит, что уже сделал, навлекает на себя критику!..

Амо сделано из абсолютно иного материала, нежели *amat*. Амо входит в тот же класс слов, что и «увы», «слушай», «смотри», «поистине» в качестве эмоциональной формы. Амо и *amat* принадлежат двум различным ситуациям экспрессии...

Пропасть между *amo* и *amat* не шире, однако, чем между *amas* (ты любишь) и *amat*. Не так уж часто можем мы позволить себе вольности в отношении персоны, с которой мы говорим... Каждый говорящий, прежде, чем сказать другому то, что он о нем думает, нуждается в каком-то разрешении со стороны этого другого. Человек, который говорит: «Ты – дурак», может вообще обойтись без эмфазы. Но тот же человек сам окажется дураком, если скажет эти слова другому, с кем он не «на ты», и который не готов его выслушать. А эта готовность происходит из особых эмоциональных взаимоотношений, уже установившихся между слушающим и говорящим. Предложения типа «*amas*», «Не будь занудой», «Негодный мальчишка» совершенно не эффективны, если слушающий не настроен на то, чтобы услышать говорящего. Эта настроенность «*intent*» должна перевесить свойственное любому человеку естественное нежелание выслушивать других людей, вмешивающихся в их личные дела... Значимость любого высказывания во втором лице определяется степенью авторитетности говорящего в глазах слушающего. Для того, чтобы я обратился к другому «на ты», тот уже должен быть обращен в слух, в слушателя как такового. Сказать «*amas*» – значит совершить настоящий и убедительный поступок, ведь «*amas*» – не сводится только к своему содержанию – «ты любишь» – но должно помимо этого вызывать в слушателе интенцию, которую нельзя считать чем-то само собой разумеющимся.

Таким образом, «в социальном плане *amat* (знание фактов), *amas* (авторитетность своего слова) и *amo* (обнаружение сокровенного) бесконечно далеки одно от другого. Они представляют три разных социальных процесса, протекающих между человеком, его собратьями и окружающим миром» [Там же. С. 107–114].

Четвертая, рассматриваемая Розеншток-Хюсси грамматическая форма, – *amavimus* (мы полюбили) предполагает «...множество субъектов, заявляющих, что они, как один человек, совершили в прошлом одно и то же действие. «Мы» в *amavimus* – это слияние говорящих со слушающими. Слово одного человека, выслушанное другим, привело к действию. Теперь этому общему действию можно придать форму рассказа. Вся история – это рассказ о действиях, в которых говорящий и слушающий как бы слились в одно лицо. Исторически все «мы» рождены процессами говорения и слушания, имевшими место между людьми. Обыкновенное предложение с «мы» уже подразумевает историю, а

глаголы рассказа-истории, как правило, это глаголы в прошедшем времени. Таким образом, форма *amatus* (мы любим) не в такой мере изначальна, как *amavimus*» [Там же. С. 115].

Ученик Розеншток-Хюсси Клинтон Гарднер называет грамматический метод «крестообразно-фундаментальным», поскольку он интерпретирует всю действительность в качестве креста. Именно речь создает внутреннее и внешнее пространство (Я и Он), как она создает время, устремленное назад, и время, устремленное вперед (Мы и Ты).

«Высшая грамматика» Розеншток-Хюсси является результатом нового подхода к языку в XX веке, подхода диалогического, учитывающего не только индивидуальность и внутренний мир говорящего, но и существование другого, слушающего «*Audi ut vivamus*» («Слушай, чтобы мы выжили») или «*Audi ne moriatur*» («Слушай, чтобы нам не умереть») – таково, согласно Розеншток-Хюсси, важнейшее утверждение социальной философии нового времени.